

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 19

Замок снаружи

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Замок снаружи

«Автор»

2026

Карадениз М.

Замок снаружи / М. Карадениз — «Автор», 2026

Она продаёт квартиры, в которых кто-то умирает. Три сделки за полгода. Три трупа в старом доме на Московской. Вера Соболева — риелтор, который специализируется на проблемной «вторичке». Она привыкла к наследственным спорам и незаконным перепланировкам. Но когда покупатель находит в вентиляции ржавый ключ с номером дома, а в стене за батареей её собственной квартиры открывается тайник, Вера понимает: кто-то ведёт с ней игру. Ключи, письма, старая фотография — каждая улика приводит её в подвал, где стены скрывают правду, которую она не помнит. Потому что двадцать пять лет назад она была ребёнком. И видела то, что заставило её забыть. Что связывает мёртвых соседей и её отца? Кто оставляет улики в пустых квартирах? И почему каждый шаг к правде — это шаг к стене, за которой ждёт ответ? «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. СДЕЛКА С ПРОШЛЫМ	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Замок снаружи

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Февраль 2001 года. Киров, улица Московская, дом 47.

Ночь.

Девочка проснулась от звука. Что-то тяжёлое упало на лестнице. Глухо. Не как книга, не как игрушка — как тело. Как мешок с мокрым песком, который бросили с высоты. Звук был влажным, хлюпающим, и он разошёлся по старому дому, просочился сквозь стены, пробрался под дверь её комнаты. Она лежала в кровати, смотрела в потолок, не двигалась. В комнате было темно, только свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в шторе, падал на стену жёлтой полосой. Девочка зажмурилась, потом открыла глаза. Звук не повторился. Но она слышала шаги — тяжёлые, медленные, кто-то ходил по коридору. Отец. Она узнала его по походке. Он всегда ставил ногу на всю ступню, тяжело, как будто нёс что-то тяжёлое.

Она встала. Пол под ногами был холодным, льдистым — батареи не работали уже вторую неделю, дом промёрз до основания. Она прошла босиком до двери, приоткрыла её. В коридоре горела тусклая лампочка — та, что висела на скрученном проводе, с жёлтым абажуром в трещинах. Свет падал на лестницу. И на отца.

Он стоял спиной к ней, наклонившись над чем-то. Она узнала его по рубашке — клетчатой, синей, с оторванной пуговицей на вороте. Она узнала его по запаху — табак, машинное масло, старый пот. Он всегда пах так после работы. Но сейчас к запаху примешивалось что-то другое. Металлическое. Тёплое. Сладковатое.

Она перевела взгляд на пол.

Рядом с отцом лежал сосед. Дядя Серёжа с пятого этажа. Она знала его по запаху — он пах сигаретами «Прима» и одеколоном «Шипр», который продавали в киоске за углом. Он всегда давал ей конфеты, когда она возвращалась из школы, — «Белочку», в золотистых обёртках. Сосед лежал на спине, его голова была повернута в сторону, глаза смотрели в стену. Из-под его головы растекалась тёмная лужа. Она не знала, что это кровь — она думала, что это вода, что он пролил чай, упал, ударился. Он был пьян, все говорили, что он пьёт. Может, просто упал. Девочка хотела верить в это.

В руке отца был предмет. Тяжёлый, металлический, с острым краем — она не поняла, что именно, потому что отец быстро убрал его за спину. Но она видела блеск, как свет лампочки скользнул по стали, на мгновение ослепив её.

Отец повернулся. Медленно. Сначала плечи, потом корпус, потом голова. Его лицо было бледным, глаза красными, веки припухшими. Он смотрел на неё, и в его взгляде не было страха. Только тихая, тягучая усталость. Он протянул к ней руку. Она сделала шаг назад. Но он шагнул вперёд, подхватил её, прижал к груди так сильно, что она почувствовала, как колотится его сердце — гулко, неровно, как барабан перед казнью.

Он занёс её в комнату, уложил в кровать, натянул одеяло до подбородка. Поцеловал в лоб. Его губы были сухими, шершавыми, пахли табаком. Он закрыл дверь. Она слышала, как задвинулся засов — старый, ржавый, который он всегда обещал смазать, но так и не смазал.

Она лежала в темноте, глядя в потолок, и не дышала. Она не знала, что только что видела. Она не знала, что её отец только что сделал. Она знала только, что он сказал ей: «Спи, дочка. Спи». И она закрыла глаза. И ничего не помнила наутро.

Только стёртое пятно на лестнице. Только запах мокрой тряпки. Только отца, который сидел на кухне, пил чай из гранёного стакана и читал газету. Он поднял глаза, улыбнулся: «Ты ничего не видела, дочка. Ты спала». Он поцеловал её в лоб. Его руки пахли мылом. Девочка кивнула. Она не помнила.

Но тело помнило. Тело помнило холод, который вьелся в ступни. Тело помнило звук — влажный, хлюпающий, который не укладывался ни в одну из детских сказок. Тело помнило

запах крови, который въелся в ноздри и остался там навсегда, даже через двадцать пять лет, даже когда она стала взрослой и перестала думать об этом дне. Тело помнило. Но она не знала этого. Она жила дальше, ходила в школу, училась, работала, строила карьеру и даже не подозревала, что внутри неё, глубоко, под слоями вытесненной памяти, лежит та ночь. Она не знала, что когда-нибудь ей придётся вернуться в этот дом. Не знала, что через двадцать пять лет она откроет стену и найдёт правду. Она не знала ничего.

Но он знал. И ждал.

ЧАСТЬ 1. СДЕЛКА С ПРОШЛЫМ

Глава 1

Вера Соболева открыла офис в восемь утра. Киров, январь, мороз под тридцать. Она остановилась у входа, вдохнула холодный воздух, чувствуя, как он обжигает ноздри, и сразу же пожалела об этом — горло сжалось, глаза заслезились. Она быстро нырнула внутрь, в тепло, на ходу стягивая варежки и шарф, которые намокли от снега.

Ей было тридцать четыре, и уже десять лет она работала риелтором. Офис на втором этаже старого здания на Ленина, две комнаты с облупившейся краской, дешёвый линолеум и стены, увешанные объявлениями о продаже. Вера специализировалась на «вторичке» — квартирах, от которых отказывались более удачливые коллеги. Наследственные споры, незаконные перепланировки, старые дома без лифтов, с запахом плесени и вечными проблемами с сантехникой. Клиентов было мало, но они были постоянными: те, кто не мог позволить себе новый ЖК с охраной и паркингом, кто хотел жить в центре, но не хотел платить за элитку.

Она разделась, повесила пальто на вешалку, которая скрипела каждый раз, когда она её касалась. Она включила чайник — старый, с накипью на стенках, который гудел, как двигатель. Села за стол. За окном мело — крупный снег кружился, залеплял стёкла, превращая улицу в размытое белое пятно. Вера смотрела на него, и в голове мелькнула мысль: «Странно, опять зима». Она не любила это время года — слишком много воспоминаний, слишком много дней, когда она просыпалась с ощущением, что что-то случилось, но что именно — не помнила. Просто холод в груди и пустота. Она налила чай, взяла трубку телефона, проверила входящие.

В офисе было тихо. Только гул чайника, только снег за окном, падающий на подоконник, накапливающийся толстым слоем. Вера смотрела на него и не могла отвести взгляд. Она вдруг вспомнила, как в детстве, зимой, тоже смотрела на снег из окна своей комнаты в доме 47 на Московской. Тогда она любила зиму — каталась на санках с горки во дворе, лепила снеговиков с братом, бегала на лыжах в парке. А после февраля 2001 года всё изменилось. Она не помнила, что именно случилось, но зима перестала быть ей другом. Она стала врагом — холодным, давящим, полным темноты.

Вера тряхнула головой, отгоняя мысли. Она не любила копаться в прошлом. Она вообще редко задумывалась о том, что было раньше. Она жила настоящим — работой, сделками, деньгами, клиентами. Прошлое было там, далеко, заперто в каком-то ящике, как старые вещи на антресолях. Она не хотела его открывать.

В девять утра телефон зазвонил. Вера взяла трубку, нажала на кнопку, прижала к уху. Мужской голос — низкий, спокойный, без лишних интонаций. Мужчина представился, назвал фамилию — Логинов, но Вера сразу забыла её, сосредоточившись на адресе. «Квартира №12 в доме 47 на Московской. Продаётся. Я ваш клиент, я хочу её купить».

Вера замерла. Дом 47 на Московской. Тот самый дом, где она жила. Она сама продала квартиру в этом доме два месяца назад, а до этого ещё одну, ещё раньше. Три квартиры за полгода — странное совпадение, но она отбросила мысль. В Кирове много старых домов, и если есть дом с дешёвыми квадратными метрами, покупатели будут идти потоком. Это просто бизнес. Она не должна была искать в этом смысл, потому что смысла не было.

Она продиктовала адрес, договорились о встрече на двенадцать часов. Вера положила трубку, выдохнула. Она уже видела эту квартиру — двушка на втором этаже, без ремонта, с обоями в цветочек и старыми деревянными окнами, которые нужно было менять. Хозяева съехали в новый район, продавали «как есть». Она знала все плюсы и минусы наизусть: близко к центру, рядом школа и поликлиника, но дом старый, 1950-х годов постройки, с толстыми

стенами и высокими потолками. И с запахом. Особый запах, который она чувствовала всегда, когда заходила в подъезд. Она не могла его идентифицировать — не плесень, не сырость, не газ. Что-то другое, неуловимое, почти сладковатое, но с металлическим оттенком. Она привыкла к нему, перестала замечать, но иногда, когда она заходила в подъезд поздно вечером, он становился сильнее, будто оживал, поднимался из подвала, просачивался сквозь стены.

До встречи оставалось два часа. Вера допила чай, взяла ключи, надела пальто. Выйдя из офиса, она вдохнула морозный воздух, и горло снова сжалось. Она подошла к своей старой «Ладе» — серой, с потёртыми сиденьями и неработающей магнитолой. Дворники с трудом счищали снег, стекло замерзло тут же, стоило ей проехать пару метров. Она включила печку на полную, но тепла почти не было. Она сидела в машине, смотрела на заледеневшее лобовое стекло, и вдруг ей показалось, что она видит чьё-то лицо в том снежном размытии. Она зажмурилась, мотнула головой. Когда она открыла глаза, никого не было.

По дороге она думала о трёх сделках. Таких совпадений не бывает, но она устала искать в этом смысл. Она просто делала свою работу. Она была риелтором, а не детективом. Она продавала квартиры, а не разгадывала тайны. Она так повторяла себе, пока не подъехала к знакомому пятиэтажному зданию с серым фасадом, облупившейся штукатуркой и старыми коваными решётками на окнах первого этажа. Она смотрела на дом и чувствовала, как внутри неё поднимается что-то тёплое, почти ностальгическое, но тут же это сменилось холодом. Она не знала, почему этот дом вызывает у неё смешанные чувства. Она жила в нём десять лет, но так и не привыкла.

Она вышла из машины, прихлопнула дверцу, и сразу же в лицо ударил ветер. Она поднялась на крыльцо, нажала кнопку кодового замка — код, который не менялся уже лет десять: 47–12–47. Она знала его наизусть, как свой день рождения. Дверь открылась, она шагнула внутрь, и запах накрыл её с головой.

Она замерла на мгновение. Тот самый запах. Сладковатый, с металлическим привкусом. Она вдохнула его, и внутри неё что-то дрогнуло, что-то попыталось всплыть из глубины, но она подавила это усилием воли. Она поднялась на второй этаж, достала ключи от квартиры. На лестничной клетке было тихо — только гул отопления, только скрип половиц под ногами. Старые деревянные ступени, крашенные зелёной краской, которая уже облупилась, открывая серое дерево. Перила были шаткими, она привыкла не держаться за них.

Она вставила ключ в замочную скважину, повернула. И в этот момент услышала шаги сверху. Кто-то шёл по лестнице, медленно, с паузами. Она подняла голову — никого. Только скрип. Старый дом скрипел, когда оседал. Она знала это. Но сейчас ей показалось, что кто-то стоит над ней, за поворотом лестницы, и смотрит вниз.

Она сглотнула. Пальцы дрожали, когда она повернула ключ до конца, открыла дверь, шагнула в квартиру. Она оглянулась на лестницу, прежде чем закрыть дверь. Там никого не было. Но запах остался. И звук. И чувство, что кто-то наблюдает за ней из темноты верхнего пролёта. Она закрыла дверь, повернула замок, прислонилась лбом к холодному дереву. Она не знала, что происходит. Но тело помнило. Тело дрожало.

Глава 2

Вера прошла в квартиру, включила свет. Три комнаты — зал, спальня, кухня, — все с высокими потолками, старыми деревянными полами, которые скрипели под ногами. Обои в цветочек, выцветшие, с жёлтыми пятнами от времени, кое-где отходящие от стен, открывая серую штукатурку. Запах сырости, старой пыли, дешёвого табака, который въелся в стены за десятилетия. Она стояла в прихожей, слушала тишину и пыталась унять дрожь в пальцах.

Она сжала ключи в руке, чувствуя, как холодный металл впивается в ладонь. Она не знала, почему её тело так реагирует, почему она не может успокоиться. Она была в этой квартире уже несколько раз, показывала её другим клиентам, но сейчас всё было иначе. Будто кто-то стоял за её спиной и ждал. Она обернулась — никого. Только коридор, пустой, с голыми стенами, на которых когда-то висели картины, оставившие после себя тёмные прямоугольники на обоях. Только открытая дверь, за которой виднелась лестница.

Она прошла в зал, остановилась у окна. Снег залеплял стёкла, превращая улицу в размытое белое пятно. Она видела двор, детскую площадку, старые качели, занесённые снегом. Она вдруг вспомнила, как в детстве качалась на этих качелях, как брат толкал её, как они смеялись. Но смех оборвался — она не могла вспомнить, когда это было, каким годом. Всё смешалось, всё ушло в туман, оставив только холодное чувство пустоты.

Она отошла от окна, прошла в спальню. Комната была маленькой, с окном во двор, с батареей под ним. У стены стоял старый шкаф, дверцы которого висели на одной петле. Вера коснулась его рукой, и шкаф покачнулся. Она отдернула руку. Внутри что-то стукнуло. Она не стала проверять.

Она вернулась в прихожую и в этот момент услышала, как за дверью раздались шаги. Тяжёлые, медленные. Кто-то поднимался по лестнице, останавливался на площадке, затем снова шёл. Она посмотрела на часы — без пяти двенадцать. Покупатель.

Она открыла дверь за секунду до того, как он постучал. На пороге стоял мужчина — высокий, худой, в чёрном длинном пальто, которое доходило почти до колен. Ему было около сорока, лицо узкое, с острыми скулами, короткая стрижка, тёмные глаза, которые смотрели внимательно, без улыбки. На плечах таял снег, оставляя тёмные влажные пятна на ткани. Он не назвал своего имени, только кивнул, прошёл внутрь, снял пальто, повесил на вешалку. Под пальто был чёрный свитер, высокий ворот, и тёмные брюки. Всё просто, без лишних деталей. Слишком просто. Слишком чисто.

— Квартира №12, — сказал он, осматривая прихожую. — Сколько?

Вера назвала цену. Он кивнул, как будто ожидал именно этого, как будто знал ответ заранее. Прошёл в зал, осмотрел стены, потолок, окна. Подошёл к старой батарее, коснулся её рукой, провёл пальцем по краске, стёр слой пыли. Повернулся, осмотрел спальню, кухню. Вера шла за ним, молча, потому что он не задавал вопросов. Он просто смотрел, оценивая, запоминая. В тишине было слышно только скрип половиц под его ботинками и гул отопления, который доносился из труб — низкий, монотонный, как дыхание спящего зверя.

Они вернулись в прихожую. Он достал из кармана пальто папку с документами, раскрыл её, посмотрел на Веру.

— Я покупаю.

Вера уставилась на него, не веря своим ушам. Ни торга, ни вопросов о документах, ни просьбы показать квартиру ещё раз. Просто «я покупаю». Она смотрела на него, на его спокойное лицо, на его руки, которые держали папку, и внутри неё зашевелилось что-то нехорошее, какое-то предчувствие, холодное и липкое, как запах в подъезде. Но она отбросила его. Она подписала договор. Он подписал. Всё.

— Вы не хотите посмотреть ещё раз? — спросила она, когда он уже надевал пальто.

— Нет, — сказал он, не поворачиваясь. — Всё в порядке. Я знаю, что беру.

Он открыл дверь, шагнул на лестницу, и Вера услышала, как его шаги затихли. Но через минуту она поняла, что он не идёт дальше — он остановился. Она выглянула в коридор, посмотрела на лестницу. Мужчина стоял внизу, на площадке между первым и вторым этажом, около вентиляционной решётки. Он стоял неподвижно, глядя внутрь, в тёмное отверстие, из которого тянуло холодом и тем самым сладковатым запахом, который Вера знала так хорошо.

Вера подошла к лестнице, остановилась в нескольких шагах от него.

— Что-то не так? — спросила она.

Мужчина медленно обернулся. Его лицо не выражало эмоций, только глаза — спокойные, изучающие. Он посмотрел на неё, потом снова на решётку.

— Здесь что-то лежит, — сказал он.

Вера нахмурилась. Она посмотрела на вентиляционную решётку — старую, чугунную, с толстым слоем пыли, с паутиной, которая висела на прутьях. За ней было темно, ничего не видно. Она подошла ближе, присела, заглянула в отверстие. Ничего. Только пыль и запах сквозняка. И темнота, глубокая, как провал.

— Это старая вентиляция, — сказала она. — Там ничего нет. Просто трубы.

— Я вижу, — ответил мужчина. — Но там что-то лежит. Я чувствую.

Она смотрела на него, и внутри неё поднималось странное беспокойство. Она хотела спросить, что он чувствует, как он может чувствовать что-то в закрытой вентиляционной шахте, но он уже повернулся и пошёл вниз, к выходу. Его шаги затихли, хлопнула дверь подъезда, и Вера осталась одна. Она стояла у вентиляционной решётки, глядя в её тёмное нутро, чувствуя, как холодный воздух касается лица, проникает в лёгкие, смешивается с тем сладковатым запахом, который она не могла идентифицировать.

Она тряхнула головой, вернулась в квартиру, закрыла дверь. Она взяла сумку, выключила свет, вышла на лестницу. Запах в подъезде был сильнее обычного — он поднимался снизу, из подвала, заполняя пространство, оседая на стенах. Она задержала дыхание, спустилась вниз, вышла на улицу. Снег всё падал, и машина уже была припорошена белым слоем. Она села за руль, завела двигатель, не включая дворников. Она смотрела на заснеженное лобовое стекло, не видя ничего вокруг.

Голос мужчины всё ещё звучал у неё в голове. Спокойный, ровный, без эмоций. «Здесь что-то лежит». Почему он сказал это? Почему он остановился именно у той решётки? Вера сжала руль, почувствовала, как пальцы немеют от холода. Она включила дворники, снег смахнула, и она увидела улицу — пустую, белую, с редкими прохожими, которые шли, согнувшись, пряча лица от ветра.

Она поехала домой. По дороге она пыталась не думать о покупке, о мужчине, о решётке. Она думала о делах, о завтрашних встречах, о том, что нужно сделать. Она думала о квартире №18, которую должна была продать на следующей неделе, и о клиентах, которые ждали её звонка. Но голос не уходил. Он звучал в её голове, настойчивый, как эхо, повторяющий одни и те же слова. «Здесь что-то лежит».

Она заехала во двор, припарковалась, выключила двигатель. Сидела в машине, глядя на подъезд, и не могла заставить себя выйти. Она смотрела на дверь, на кодовый замок, на выбитые на нём цифры. 47–12–47. Она видела их тысячу раз, но сейчас они казались ей чужими, будто она впервые их заметила. Она вышла, зашла в подъезд, поднялась на свой этаж. Зашла в квартиру, закрыла дверь, прислонилась спиной к стене. Её руки дрожали. Она не знала, почему, но тело дрожало, и она не могла это контролировать.

Она смотрела на свои ладони, на вены, которые проступали сквозь бледную кожу, и чувствовала, как холод поднимается от ног к груди. Она закрыла глаза, глубоко вдохнула, попыталась успокоиться. Она думала о том, что она просто устала, что работа выматывает, что она

слишком много думает о всякой ерунде. Но внутри неё, глубоко, что-то шевелилось — что-то тёмное, что она не могла контролировать.

На следующий день, в девять утра, её телефон зазвонил. Номер был незнакомый. Она взяла трубку, прижала к уху. Голос — тот же, спокойный, ровный, как вчера.

— Вера, это Логинов. Я вскрыл вентиляцию.

Она замерла. Она не спрашивала, зачем он это сделал. Она просто ждала, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Там лежал ключ. Старый, ржавый. На нём выбита цифра 47. Я подумал, вам стоит знать.

Вера смотрела на стену перед собой. Белую, гладкую, с трещиной, которая шла от потолка к полу. Она смотрела на неё, но не видела. Она видела только цифру 47, выбитую на старом металле. Ключ. С цифрой 47. Как номер её дома.

Она сглотнула. В горле пересохло. Она сжала телефон, чувствуя, как пластик хрустит под пальцами.

— Я приеду, — сказала она и положила трубку.

Глава 3

Вера выехала из офиса в десять утра. Снегопад усилился — крупные хлопья падали на лобовое стекло, дворники едва справлялись, оставляя разводы. Она сбавила скорость, вглядываясь в дорогу, чувствуя, как пальцы сводит от напряжения. Она не спала почти всю ночь — лежала в темноте, смотрела в потолок и слышала голос покупателя, его спокойные слова: «Здесь что-то лежит». Она пыталась убедить себя, что это ничего не значит. Но не могла.

Логинов ждал её у подъезда. Он стоял, не прячась от снега, в том же чёрном пальто, с непокрытой головой, снег таял на его волосах, стекал по вискам. Он не улыбнулся, когда она подошла. Просто протянул руку, разжал ладонь. На его ладони лежал ключ.

Вера взяла его, и вес удивил её. Ключ был тяжёлым, старым, амбарным — из толстого металла, с массивной головкой в виде кольца и длинным стержнем, на котором проступала ржавчина. Она перевернула его, посмотрела на обратную сторону. Там, на гладкой металлической поверхности, были выбиты две буквы: «ЗС». Она провела пальцем по ним, чувствуя углубления. Буквы были чёткими, аккуратными, как будто их выбивали специальным инструментом, а не царапали в спешке.

— Где вы его нашли? — спросила она, не поднимая глаз.

— В вентиляции, — ответил Логинов. — Сразу за решёткой, на выступе трубы. Он лежал там, как будто его специально положили.

Вера сжала ключ в руке. Металл был холодным, почти обжигающим. Она хотела спросить, почему он решил вскрыть вентиляцию, что его толкнуло, но слова застряли в горле. Она просто кивнула, сунула ключ в карман пальто, повернулась и пошла к машине.

Она ехала в офис, и ключ оттягивал карман, напоминая о себе каждым движением. Она сжимала руль, чувствуя, как металл давит на бедро, холодный, твёрдый, с выбитыми буквами, которые она не могла расшифровать. «ЗС». Что это могло значить? Инициалы? Название организации? Номер склада? Она прокручивала варианты, но ни один не имел смысла.

В офисе было тихо. Вера зашла, закрыла за собой дверь, села за стол. Она открыла ящик, положила ключ внутрь, прямо поверх старых бумаг, которые лежали там уже несколько месяцев. Она смотрела на него, на его тёмную, покрытую ржавчиной поверхность, и чувствовала, как внутри неё поднимается странное беспокойство. Она закрыла ящик, отодвинула его, попыталась сосредоточиться на работе.

Но не могла. Она смотрела на телефон, на бумаги, на монитор, но ничего не видела. Она видела только ключ, лежащий в ящике, тяжёлый, старый, с выбитыми буквами. Она взяла трубку, набрала номер коллеги. Ирина работала риелтором двенадцать лет, знала все схемы, все дома, все скандалы в городе. Она была старше Веры на десять лет, и голос у неё был низкий, прокуренный, с хрипотцой.

— Слушаю, — сказала Ирина.

— Привет. Это Вера. У меня вопрос по дому 47 на Московской. Там что-то было в 2001 году?

Ирина закашлялась, потом затаилась — Вера слышала, как она выдыхает дым в трубку. Молчание затянулось.

— А что ты хочешь узнать? — спросила Ирина наконец.

— Говорят, там сосед пропал. И женщина погибла. Несчастный случай. Ты что-нибудь слышала?

Ирина выдохнула, и Вера услышала, как она крутит зажигалку в руке, щёлкает, зажигает снова.

— Там в 2001 году было странное дело, — сказала Ирина. — Сосед, мужик лет сорока, просто исчез. Жена заявила, никто не искал. Сказали — ушёл к любовнице, бросил. А через

несколько месяцев женщину нашли мёртвой в своей квартире. Удар по голове. Несчастный случай, сказали, упала, ударилась. Никто не расследовал.

— А почему странное?

— Потому что все в доме знали, что мужик не уходил. Он не пил, не гулял, был нормальный. Жена плакала, говорила, что он не бросил. Но кто-то в доме знал правду, молчал. И про женщину то же самое — не упала она. Её убили. Но дело закрыли. Никто не хотел копать.

Вера сидела, прижимая трубку к уху, и чувствовала, как холод поднимается от живота к груди.

— Кто-то знает, что там произошло? — спросила она.

— Да, — ответила Ирина. — Но они молчат, Вера. Это было 25 лет назад. Кому теперь это нужно? Забудь. Не лезь в это. Там ничего хорошего нет.

Ирина положила трубку. Вера сидела, глядя на телефон, и чувствовала, как внутри неё закипает тревога. Она открыла ящик, снова посмотрела на ключ. «ЗС». Ирина сказала, что кто-то знает, но молчит. Может, этот кто-то оставил ключ в вентиляции? Может, этот кто-то хотел, чтобы она его нашла?

Вера закрыла ящик, встала, подошла к окну. Снег всё падал, и улица была пустой. Она смотрела вниз, на машины, которые медленно ползли по дороге, и вдруг поняла, что боится. Она боится ехать домой, заходить в свой подъезд, подниматься на свой этаж. Она не знала, чего именно она боится, но тело знало. Тело дрожало, как тогда, в детстве, когда она стояла на холодном полу и смотрела на отца.

Она отошла от окна, села за стол, попыталась работать. Она звонила клиентам, проверяла документы, отвечала на письма. Но мысли возвращались к ключу, к словам Ирины, к тому, что она не хотела знать. Она работала, пока не почувствовала, что устала до предела. Она закрыла ноутбук, собралась уходить. Но перед тем как встать, она открыла ящик, чтобы проверить, на месте ли ключ. Он лежал там же, холодный, неподвижный.

Она вышла из офиса, спустилась на первый этаж. На выходе она столкнулась с охранником — пожилым мужчиной в синей форме. Он кивнул ей, она кивнула в ответ. Она вышла на улицу, села в машину, завела двигатель. Включила фары, они выхватили из темноты снежную пелену. Она поехала домой.

Когда она вернулась, снегопад усилился, машина скользила на поворотах, и она сбавила скорость. Она припарковалась, выключила двигатель, но не вышла. Она сидела в машине, глядя на подъезд, на заснеженные ступени, на кодовый замок, на выбитые цифры: 47–12–47. Она смотрела на них и чувствовала, как внутри неё поднимается страх. Она не знала, чего она боится, но страх был настоящим, холодным, липким, как запах в подъезде.

Она вышла, зашла внутрь, поднялась на свой этаж. В квартире было темно и тихо. Она включила свет, закрыла дверь, повесила пальто. Она прошла на кухню, налила воду, выпила. Она сидела в тишине, слушая гул отопления, и пыталась успокоиться.

На следующий день она вернулась в офис. Снег всё падал, и на улице было светло, как будто день наступил раньше. Она разделась, села за стол, открыла ящик — ключ лежал на месте. Она закрыла ящик, открыла ноутбук. Она работала до обеда, пытаясь отвлечься, но мысль о ключе не уходила.

Вернувшись после обеда, она села за стол, открыла ящик, чтобы проверить его, и вдруг увидела конверт. Белый, без марки, без адреса. Он лежал в ящике, на том же месте, где лежал ключ. Вера замерла. Она не клала его туда. Она смотрела на конверт, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Она взяла его, открыла, вынула листок. На нём было одно слово, написанное чёрными чернилами, ровным, аккуратным почерком: «ПОМНИ».

Она смотрела на это слово, и внутри неё что-то дрогнуло. Что-то тёмное, холодное, что она прятала годами, пыталось всплыть. Она отбросила листок, встала, вышла из кабинета, спустилась к охраннику.

— Кто заходил в мой офис?

Охранник пожал плечами:

— Никто не заходил. Я сидел весь день. Только ты выходила и заходила. Больше никого.

Вера поднялась, пошла к камерам. Она просмотрела запись — в коридоре никто не проходил. Она зашла в офис одна, вышла одна. Никто не входил. Она посмотрела на конверт, который держала в руках. «ПОМНИ». Кто-то оставил его в ящике, но камеры ничего не показали. Она вернулась в офис, села за стол, снова открыла ящик, достала конверт. Она держала его в руках и чувствовала, как внутри неё поднимается что-то, что она не хотела вспоминать. Она отбросила конверт, закрыла ящик, села, глядя в стену. Она не хотела помнить. Она не хотела знать. Но слово было написано, и оно жгло её изнутри.

Глава 4

На следующее утро Вера проснулась с мыслью о конверте. Слово «ПОМНИ» не выходило из головы. Она села на кровати, обхватила колени руками, чувствуя, как холод проникает сквозь тонкую ткань пижамы. В комнате было темно, только серый утренний свет пробивался сквозь щель в шторе. Она смотрела на стену напротив, на трещину, которая шла от потолка к полу, и думала о том, что кто-то оставил ей письмо в ящике, но камеры никого не показали. Кто-то, кто знает её имя. Кто-то, кто знает, что она должна помнить.

Она не спала почти всю ночь — лежала, смотрела в потолок, слушала, как старый дом оседает, как скрипят половицы на лестнице, как ветер завывает в трубах. Она слышала каждый звук, каждый шорох, и каждый раз вздрагивала, когда ей казалось, что кто-то ходит за стеной. Но стены были пусты. Только тишина и холод, который не отпускал её.

Она встала, прошла на кухню, включила чайник. Пока вода закипала, она стояла у окна, глядя на заснеженный двор. Детская площадка пустовала, качели скрипели на ветру, и она вдруг вспомнила, как качалась на них с братом. Она не помнила, когда это было, в каком году, но помнила, как он смеялся, как ветер бил в лицо, как мороз щипал щёки. Она зажмурилась, отгоняя воспоминание. Она не хотела вспоминать. Воспоминания были слишком тёмными, слишком холодными, как эта зима.

Она оделась, вышла из дома. Снег перестал, но небо было низким, серым, давящим, как крышка гроба. Она села в машину, завела двигатель, но не тронулась с места. Она сидела, глядя на подъезд, на кодовый замок, на цифры 47–12–47, и вдруг поняла, что знает, куда ей нужно поехать. Она должна узнать, что скрывает дом 47. Она должна узнать, почему кто-то оставил ей ключ и письмо. Она должна узнать, что случилось в 2001 году.

Архив БТИ находился на окраине города, в старом здании с облупившимся фасадом и железной дверью, которая скрипела, как будто её не открывали годами. Вера зашла внутрь, вдохнула запах старой бумаги, пыли и сухого тепла, который смешивался с запахом старых чернил и машинного масла. В приёмной сидела женщина лет шестидесяти, в очках с толстыми стёклами, с седыми волосами, собранными в пучок на затылке. Она подняла глаза, когда Вера вошла, и посмотрела на неё поверх очков, не торопясь здороваться.

— Здравствуйте, — сказала Вера. — Мне нужны документы на дом 47 по Московской. Старые планы, разрешения на перепланировку. За 2001 год.

Женщина посмотрела на неё, потом медленно встала, подошла к шкафу с папками, провела пальцем по корешкам, остановилась на одной, вытащила её. Она положила папку на стол, открыла, перелистала несколько страниц. Вера смотрела на её руки — сухие, с выступающими венами, которые шевелились, перелистывая бумаги.

— Дом 47, 1954 года постройки, — сказала женщина, читая. — Пять этажей, сорок квартир. Перепланировок за 2001 год не было. Только мелкий ремонт, замена труб. Никаких перестроек, никаких изменений в планировке.

— А подвал? — спросила Вера, чувствуя, как внутри неё поднимается напряжение. — У меня есть план подвала, где есть странное помещение между секциями. Пустота, которая не обозначена как техническое помещение.

Женщина нахмурилась, перелистала страницы, нашла план подвала. Она поднесла его к свету, прищурилась, потом покачала головой.

— Это не помещение, — сказала она. — Это технологическая пустота. Между секциями дома есть зазор, где проходят трубы и вентиляция. Никаких перепланировок там не было. Это просто строительный зазор, который заложили кирпичом, когда дом достраивали.

Вера смотрела на план, на прямоугольник, отмеченный пунктирной линией, который был нарисован между секциями А и Б. Пустота. Но план не объяснял, почему там есть дверь. Дверь,

которую она видела в подвале вчера, когда заходила проверять запах. Она пересняла план на телефон, поблагодарила женщину и вышла. Она села в машину, снова посмотрела на фотографию плана, и вдруг заметила деталь, которую не заметила раньше. На плане, рядом с пустотой, была маленькая пометка, написанная от руки, карандашом: «ЗС». Те же буквы, что на ключе.

Она сжала телефон, чувствуя, как внутри неё поднимается тревога. ЗС. Ключ. Пометка на плане. Кто-то знал об этой пустоте. Кто-то оставил ключ в вентиляции. Кто-то хотел, чтобы она нашла его.

Она поехала в дом 47, припарковалась, вышла из машины. Снег хрустел под ногами, и она слышала, как ветер гуляет между домами, завывая в проводах. Она зашла в подъезд, спустилась в подвал. Лампочка на потолке мигала, бросая неровный свет на бетонный пол и голые стены. Запах плесени и сырости ударил в нос, смешиваясь с тем сладковатым оттенком, который она чувствовала каждый раз, когда заходила сюда. Она прошла по коридору, нашла стену, отмеченную на плане как пустота. Она провела рукой по поверхности, чувствуя, как холодный бетон отдаёт влагу, как под пальцами проступает сырость.

Она постучала по кирпичам. Глухо, как будто за стеной ничего нет. Как будто там пустота, которая ждёт, чтобы её открыли. Она приложила ухо к стене, прислушалась. Тишина. Только гул отопления, только скрип старого дома, который оседал под тяжестью снега и времени. Она отстранилась, посмотрела на стену, чувствуя, как внутри неё поднимается страх. Она не знала, что там, за этой стеной, но тело знало. Тело дрожало, как в тот день, когда она стояла на холодном полу и смотрела на отца. Тело помнило запах крови, который смешивался с сыростью и плесенью.

Она развернулась и вышла из подвала, не оглядываясь. Она поднялась наверх, вышла на улицу, зажмурилась от яркого света, который пробился сквозь облака. Она стояла, чувствуя, как мороз обжигает лёгкие, пытаясь успокоиться. И в этот момент она увидела старуху.

Старуха сидела на лавочке у подъезда, закутанная в тёмный платок, с палкой в руках. Она смотрела на Веру — спокойно, долго, без улыбки. Её лицо было испещрено морщинами, как старая карта, глаза глубоко посажены, смотрели внимательно, изучающе. Она не двигалась, не моргала, просто сидела и смотрела, как будто ждала. Вера замерла, чувствуя, как холод пробегает по спине. Она не знала эту женщину. Она никогда не видела её раньше, хотя жила в этом доме десять лет.

Старуха медленно поднялась, опираясь на палку. Она сделала несколько шагов в сторону Веры, остановилась в метре от неё. Пахло от неё нафталином и старой тканью, как от шкафа, который не открывали много лет.

— Ты живёшь здесь давно, Вера? — спросила она. Голос был хриплым, с хрипотцой, как будто его не использовали долгое время.

Вера смотрела на неё, не в силах двинуться с места. Женщина знала её имя. Она не назвала себя, не представилась, просто спросила, как будто знала её всю жизнь.

— Я живу здесь десять лет, — ответила Вера, чувствуя, как голос дрожит.

Старуха кивнула, как будто ожидала этого ответа. Она посмотрела на Веру, потом перевела взгляд на подъезд, на его дверь, на кодовый замок, потом снова на Веру.

— Ты была ребёнком в 2001 году, — сказала она. — Ты помнишь то, что случилось тогда?

Вера замерла. Она не хотела отвечать. Она не хотела говорить об этом. Но старуха смотрела на неё, и её взгляд был тяжёлым, давящим, как бетонная плита.

— Я ничего не помню, — сказала Вера, и голос её сорвался. — Я была маленькой. Я не помню ничего.

Старуха снова кивнула. Она повернулась, медленно пошла к подъезду, опираясь на палку. Вера смотрела ей вслед, чувствуя, как ноги приросли к земле. Старуха открыла дверь подъезда, зашла внутрь, прошла к квартире на первом этаже. Она достала ключи, открыла дверь, шагнула внутрь. И закрыла дверь за собой. Вера слышала, как повернулся замок.

Она стояла на улице, глядя на закрытую дверь, чувствуя, как внутри неё поднимается холод. Она не знала эту женщину. Но эта женщина знала её. Знала, что она была ребёнком в 2001 году. Знала, что она живёт здесь десять лет. Знала её имя. И она не улыбнулась, не поздоровалась, не сказала ничего лишнего. Она просто спросила, помнит ли она.

Вера повернулась, пошла к машине. Она села за руль, включила зажигание, но не поехала. Она сидела, глядя на подъезд, на окна первого этажа, за которыми скрылась старуха. Она думала о том, что произошло в 2001 году. О том, что она не помнит. О том, что кто-то хочет, чтобы она вспомнила. Она сжала руль, чувствуя, как пальцы немеют от холода. Она не хотела знать. Но она чувствовала, что скоро ей придётся узнать. Тело помнило, и тело не давало ей покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.